

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «История». Том 17 (56). 2004 г. № 1. С. 14-23

УДК 930.26

Буров Г.М.

ПЕТРОГЛИФЫ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И КУЛЬТ ПЛОДОВИТОСТИ

Введение. Наскальные изображения Карелии, насыщенные информацией при реалистической манере исполнения, относятся к числу самых выдающихся в Северной Европе. Существовали два центра карельского первобытного искусства – на Онежском озере и Белом море. Они различаются между собой по сюжетно-стилистическим особенностям изображений, хотя известны и отдельные параллели. Традиция рассматривать карельские петроглифы суммарно [1, с. 95 - 98] не выдерживает критики. Художники Белого моря показали в своих произведениях в основном сцены удачной охоты. Такой весьма распространенный тип наскальных изображений призван просто обеспечить с помощью магии благополучный промысел. Гораздо сложнее семантика онежских петроглифов.

История вопроса. Интерпретация наскальных гравировок оз. Онежского [2] вызывает споры. М. Биркит рассматривал дисковидные и полуулунные фигуры как знаки металлических зеркал [3, с. 302]. По А. М. Линевскому, это – изображение ловушек [4, с.6 -56]. Но В.И. Равдоникас склонился к верной мысли, что дисковидные и полуулунные знаки – рисунки переносных солярных и лунарных фетишей, снабженных рукоятями [5]. К.Д. Лаушкин [6, 1959, с. 102; 1962, с.298] считал онежские петроглифы «грандиозным первобытным храмом солнца», изучение которого возможно с привлечением эпоса «Калевала». А.А. Формозов рассматривал петроглифы как иллюстрации к мифам [7, с. 246 -249], а Ю.А. Савватеев – как своего рода летопись, создание которой имело отношение к «поддержанию привычного порядка в окружающем мире» [8, с.157]. Последние два автора вели также речь об определенной роли культа «плодородия» у создателей онежских петроглифов, имея ввиду женскую плодовитость.

Полностью отрицая концепцию К.Д. Лаушкина, Ф.В.Равдоникас [9] утверждал, что онежские начертания – лунная обсерватория и что среди них нет солярных знаков. Культ солнца, по его мнению, должен быть «связан с развитым земледелием», которого не знали творцы петроглифов. На самом деле, охотничьи-рыболовческие племена, например обские угры, были причастны к такому культу [1, 1964, с.22, рис.7; 1971, рис.54]. Естественно, Ф.В. Равдоникас придавал особое значение ориентации изображений, что следует сказать и о А.Д. Столяре [10], который развил анимистическую идею о «людках мертвых», представив Онежское святилище как центр заупокойного культа [11].

Мы предложили в 1987-1992 гг. иной подход к рассматриваемой теме, основанный на том, что в религиозных представлениях первобытного общества, в частности жителей Прионежья, исключительное значение придавалось культу размножения животных, дававших человеку пищу [12, с.25; 13, с.20 - 21]. С такой концепцией согласуется вывод Э.Эрнитса [1990] по части Онежского святилища о том, что «ведущим при создании петроглифов было универсальное, жизненно важное, желание добиться плодородия и

ПЕТРОГЛИФЫ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И КУЛЬТ ПЛОДОВИТОСТИ

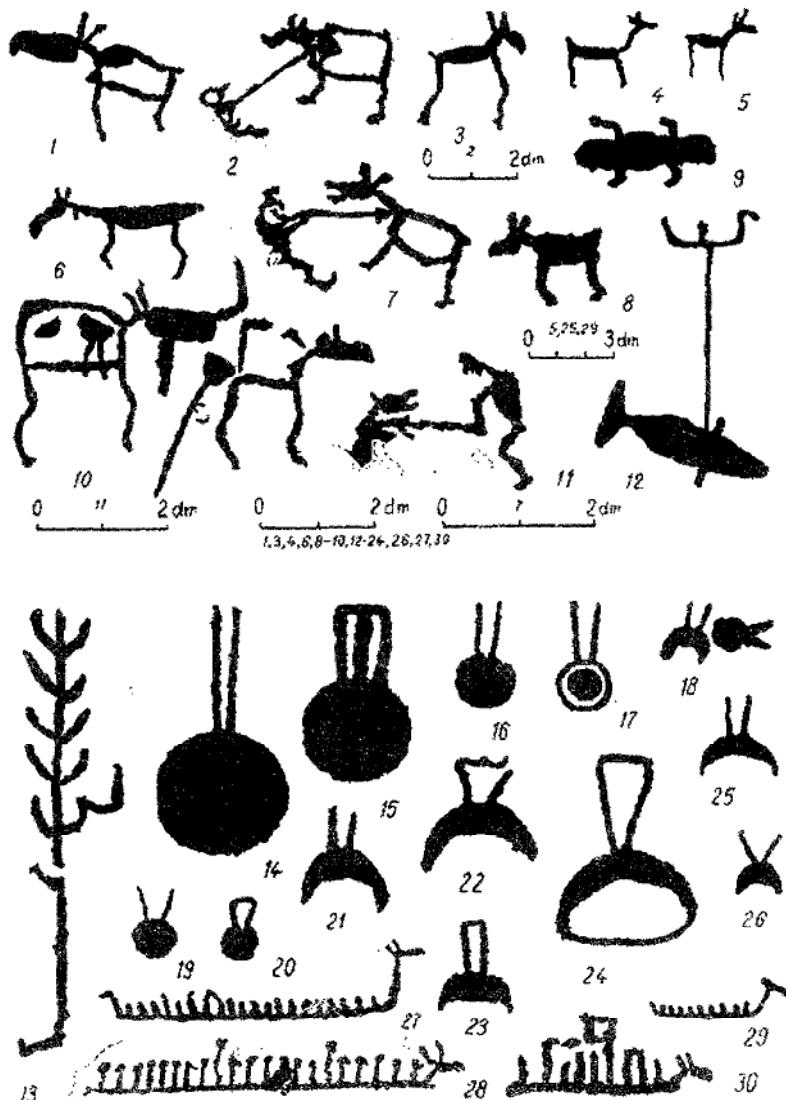

Рис. 1. Онежские петроглифы: изображения зверей (1,3 - 6, 8, 9), охотничьи сцены (2, 7, 11, 12), брачная пара лосей (10), «древо жизни» (13), солярные и лунарные фетиши (14 - 26), лодки (27 - 30). 1, 3, 4, 6 - 8, 21, 28 – Пери-Нос III; 2, 12, 13 – Бесов Нос, западный мыс; 5, 25, 29 – Большой Гурий; 9 – Бесов Нос, северный мыс; 10, 15, 24, 27, 30 – Карецкий Нос; 11, 14, 16 - 20, 22, 23, 26 – Пери-Нос VI. 1, 3 - 6, 8 - 10, 1 - 27, 29, 30 – по В.И. Равдоникасу; 2, 7, 11, 28 – по Ю.А. Савватееву

БУРОВ Г.М.

плодовитости человека и животных» [14, с. 28 - 29]. Этот исследователь считает, что на Онежском озере такая цель достигалась «обращением первобытного человека к луне и представителям потустороннего мира; в том числе к тотемическим...предкам (лебедь, лось, северный олень и др.) и к Матери Земле». Это второе положение нуждается в обосновании. Приведем аргументы в пользу нашей точки зрения, рассмотрев сюжеты онежских петроглифов.

Звери и птицы. Отдельные петроглифы Онежского святилища были предназначены обеспечить удачную охоту, т.е. они аналогичны беломорским: имеются несколько рисунков, показывающих охотника, который убивает копьем лесного зверя (рис. 1, 2, 7, 11) или загарпнуивает дельфина с лодки (рис. 1, 12). Возможно, группы людей в лодках (рис. 1, 27 – 30) отправляются добывать морского зверя. Но этим охотничья тема исчерпывается.

Однако многократно встречаются изолированные гравировки лосей (рис. 1, 3 - 6, 8). Отсутствие у них рогов свидетельствует, что изображены самки. А это, в свою очередь, говорит о причастности петроглифов именно к магии размножения промысловой фауны, без которого не будет удачной самая искусная охота. Думается, что самками являются также и одиночные фигурки водоплавающих птиц, главным образом лебедей (рис. 2, 3, 4, 6, 8, 9) и бобр (рис. 1, 9) - ценный пушной мясной зверь. Скорее всего, лосихи и самки лебедя представляют всех промысловых зверей и птиц.

В этой связи интересен сюжет, загадочный для некоторых исследователей, уникальный для озера, но широко распространенный в мировой охотничьем искусстве (рис. 3, 10). Это – изображение пары копытных в брачной позе: за самкой следует самец [3, табл. XIII, 2; 15, табл. II, IV]. У онежского лося неудачно изображены рога. Должны быть отмечены также спаренные, в том числе соединенные линиями, водоплавающие птицы (рис. 2, 5, 7, 14), птицы с выводком (рис. 2, 10, 11) и композиция, включающая самца, самку и птенца (рис. 2, 17). Причастность всех этих начертаний к культу плодовитости очевидна.

Онежские петроглифы, принадлежащие охотниче-рыболовческим племенам, в какой-то мере сопоставимы с писаницами Урала, оставленными таким же населением. Исходя из этнографических данных, В.Н. Чернецов пришел к выводу, что многие писаницы связаны с магическими обрядами, призванными не только увеличивать успех в использовании ловушек, но и обогащать угодья зверем, птицей и рыбой [1, 1964, с.30; 1971, с. 83].

Космические фетиши. Часто встречаются отдельные дисковидные (рис. 1, 14 - 17, 19, 20) и полуулунные символы (рис. 1, 21 - 26). Они выгравированы рядом с изображениями животных, а один солярный фетиш находится даже в окружении лосих и лебедя (рис. 4, 3): происходит «увеличение плодовитости» с помощью солярного знака. Известны лебедь и лосиха с прикрепленными солярным символом (рис. 2, 13, 16), лебедь с самкой и лунарным знаком на шее (рис. 2, 14). Это – яркие свидетельства того, что космические фетиши имеют отношение к размножению животных. Параллель отмечается на писаницах Урала, где солярные знаки часто соседствуют с изображениями промысловых животных [1, 1971, с.59].

ПЕТРОГЛИФЫ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И КУЛЬТ ПЛОДОВИТОСТИ

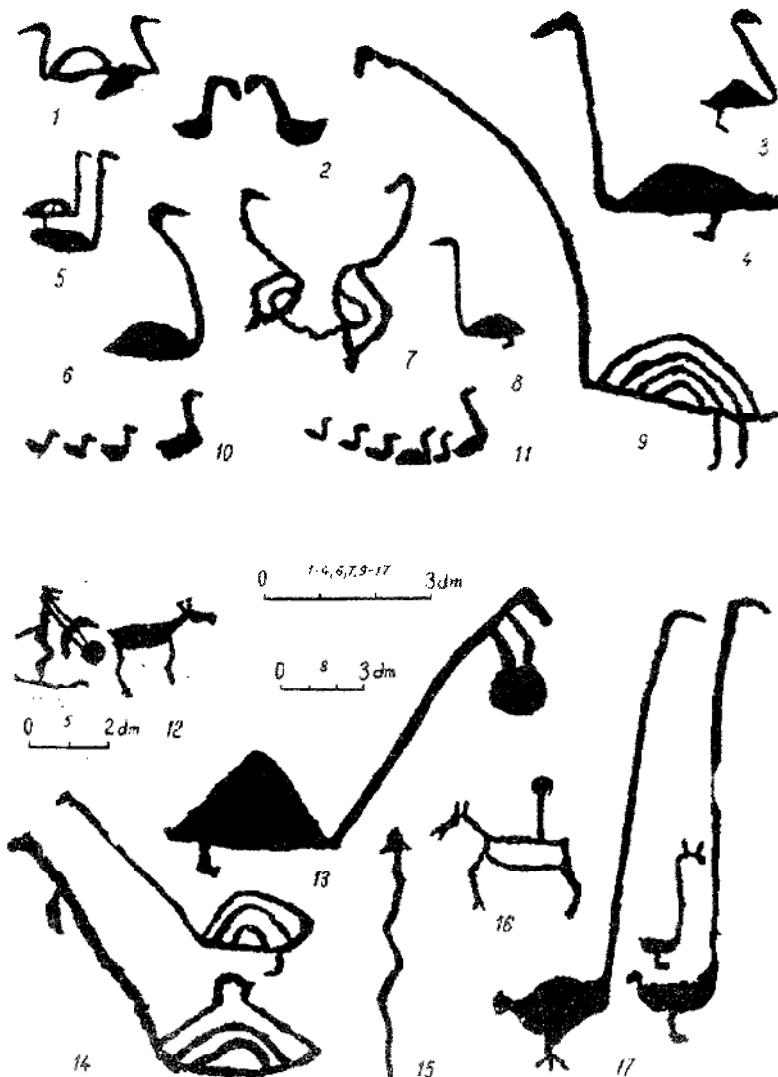

Рис. 2. Онежские петроглифы: спаренные (1, 2, 5, 7, 14) и одиночные (3, 4, 6, 8, 9) лебеди, водоплавающие птицы с выводками (10, 11), пара лебедей с птенцом (17), сцена колдовства (12), животные с солярным фетишем (13, 16) и змея (15). 1, 4 – Кладовский Нос; 2 – Перий-Нос I; 3, 9, 12, 13 – Бесов Нос, северный мыс; 5, 7, 10, 11, 14 – Перий-Нос III; 6, 16 – Перий-Нос IV; 8 – Большой Гурий; 15, 17 – Перий-Нос II. 1 – 4, 6 – 11, 13, 17 – по В.И. Равдоникасу; 5, 12 – по Ю.А. Савватееву

БУРОВ Г.М.

Можно думать, что небесные светила были наделены полом и считались причастными к размножению фауны. У кетов промысловая магия сочеталась с культом главных небесных светил: луна мыслилась как мужское начало, а солнце – как женское [16, с. 171, 185]. У эвенков эти светила имели прямое отношение к культу размножения [17, с. 211]. Концепция первобытного мышления состояла в том, что при магическом подключении плодородной силы солнца и луны к размножению фауны этот процесс якобы протекает гораздо активнее, чем только при воздействии самцов на своих самок. А спаренные солярный и лунный символы (рис.1, 18; 2, 12) составляют фетиш усиленного магического эффекта.

Лопатообразные посохи. Не менее интересны загадочные шесты с подтреугольной лопастью (рис. 3, 4 - 6). А.М. Линевский усматривал в них охотничьи оружие [4, с.18 - 32], В.И. Равдоникас [2, с.42] – предметы солярного культа, К.Д. Лаушкин – магические фетиши с роговыми вставками в средней части – головками лосих, хорошо известными по Олениостровскому могильнику [6, 1962, с. 195,196]. Одна из композиций (рис. 1, 10) почти не оставляет сомнения, что лопатообразный посох, помещенный у бедер лосихи, был призван стимулировать ее плодовитость, в то время как лунарный (мужской) фетиш на теле самца должен был увеличивать его производительную силу. Вероятная причастность посоха к культу размножения позволяет предположить, что его своеобразная лопасть в виде треугольника – символ плодовитости, восходящий к облику женского тела. Треугольник – частая деталь в области лона у статуэток позднего триполья [18, рис. 23, 12; 27, 2; 29, 1, 4; 31, 8, 9, 12] и других женских изображений. Погох представляется фетишем плодовитости с женским символом, точно так же, как молоточковидные и некоторые другие булавки бронзового века с грибовидными выступами были мужскими фаллическими фетишами, призванными увеличивать производительную силу самцов полезных животных [19]. Кольцо на конце лопатообразного фетиша может быть определено как солярный (тоже женский) знак, а голова лосихи в средней части указывает на связь посоха с культом размножения.

Шаманизм. Во многих онежских композициях участвуют люди, мужчины (с показанным фаллосом) и женщины, очевидно, шаманы обоих полов.

В двух случаях шаманка держит лунный фетиш (рис. 3, 7, 8), в третьем – два солярных знака (рис. 3, 9), в четвертом – два лопатообразных посоха (рис. 3, 11). Скорее всего, их камлание связано с культом размножения. То же самое следует, видимо, сказать и о пляшущих людях без фетишей (рис.3,1 – 3, 10). Можно предположить, что в репертуаре святилища нет фантастических антропоморфных существ, а есть костюмированные шаманы, запечатленные обычно при исполнении колдовских, часто фаллических, обрядов.

Особое значение имеет композиция, включающая самку лося и шаманку с совмещенными солярным и лунарным символами в сопровождении змеи (рис. 2, 12). По К.Д. Лаушкину [6, с. 109], это – жертвоприношение животного солнечному божеству, а по нашему мнению – шаманка в маске, с привязанным хвостом, воздействует на плодовитость лосихи одновременно «силами солнца и луны», а также потенцией пресмыкающегося. Пара «лосиха и змея» почтилась еще в мезолите (лыжка с поселение Вис I в Привычегодье) и известна в бронзовом веке;

ПЕТРОГЛИФЫ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И КУЛЬТ ПЛОДОВИТОСТИ

змея служила символом мужского начала и стимулятором плодовитости [19, с. 29]. Очевидно, гадюку, а не утку (как считали некоторые авторы) держит перед вереницей лебедей гусь (рис. 4, 2). В другом случае пресмыкающееся показано отдельно (рис. 2, 15). Одиночным является и древовидный знак (рис. 1, 13) – символ «древа жизни». Он отмечен также на стеле из Керносовки (Нижнее Поднепровье) вместе с брачными сценами людей и животных, недвусмысленно относящимися к культу плодовитости [20].

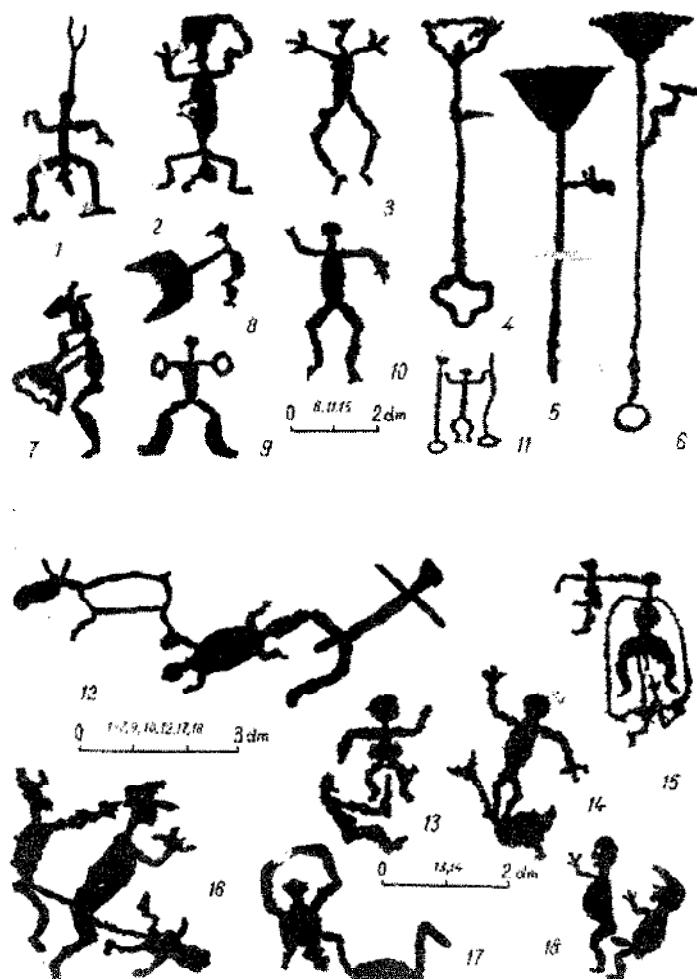

Рис. 3. Онежские петроглифы: камлающие шаманы и шаманки (1 - 3, 7 - 12, 14, 17), магические посохи плодовитости (4 - 6), сцены по теме человеческого рода (13, 15, 16, 18). 1, 3, 8, 11 - 16, 18 – Перий-Нос III; 2 – Бесов Нос, западный мыс; 4 - 7, 10 – Перий-Нос VI; 9 – Перий-Нос IV; 17 – Кладовский Нос. 1 - 7, 9, 10, 12, 17, 18 – по В.И. Равдоникасу; 8, 11, 13 - 16 – по Ю.А. Савватееву

БУРОВ Г.М.

Два сюжета, в частности соитие (рис. 3, 18), по теме продолжения рода. Согнутые в локтях руки его участников (поза адорации, как на керносовской стеле) подчеркивают ритуальный характер сцены. Параллель этому сюжету – группа на беломорских скалах Эрпин-Пудаса, где отмечено необычное для Беломорья соитие четырех человеческих пар близ дельфина [21, с. 122, 123]. Изображения должны были, по-видимому, вызвать магическим путем ускоренное размножение морских зверей.

Второй сюжет – деторождение при участии шамана или шаманки (рис. 3, 13, 15, 16). Очевидно, и эти изображения были призваны стимулировать плодовитость промысловой фауны. Существование обрядов, направленных на женскую плодовитость у охотничь-рыболовческих племен вызывает сомнения: напротив, историки первобытного общества ведут речь о детоубийстве в связи с недостатком средств для существования [22, с. 314, 315].

Фантастические композиции. Особую группу сюжетов составляют сложные гравировки, понять которые можно только, исходя из большой роди культа плодовитости у людей Онежского озера. В одном случае (рис. 3, 12) шаман по ноге передает свою силу зачатия лосихе через ящерицу, в другом – он совершает то же действие по отношению к лебедю, но без посредника (рис. 3, 17). Фаллосом обозначен пол шамана. Соединенное изображение лосихи, ящерицы и шамана А.М. Линевский считал охотничьей сценой с использованием собаки, а В.И. Равдоникас справедливо усмотрел здесь [2, с.59] изображение ящерицы, тогда как по Ю.А. Савватееву [23, с. 40], это – выдра, по К.Д. Лаушкину, - лягушка, а по Э.Эрнитсу [24], - бобр. Ящерица, как и змея, имела отношение к культу плодовитости. К ее образу восходит ящер урало-сибирского культового литья I тысячелетия н.э., который в верованиях этого времени не только усиливает плодовитость, но и обладает способностью возрождать съеденных животных [25, с. 38]. В раннесредневековом литье, бронзовых плакетках, мы имеем дело с синкетическим существом, обладающим чертами человека (шамана), лосихи, хищной птицы (символ небесных сил), ящера и, благодаря этому, усиленной плодовитостью. В онежских петроглифах представлены аналогичные композиции, но вопрос о соединении человека с промысловым животным здесь решается по-иному: на петроглифах нога мужчины переходит в хвост ящерицы или лебедя, а на плакетках – фаллос шамана служит одновременно ухом ящера [25, рис. 3, 3, 8].

В третьем случае нога пляшущей женщины смыкается с хвостом лебедя [10, рис. 1, 7] в присутствии лопатообразного фетиша. Происходит «увеличение способности самки лебедя „к размножению». Сходным образом шаманка, стоя на спине птицы, наделяет ее своей плодовитостью (рис.3,14).

Заключение. Отдельно должно быть рассмотрено панно Бесова Носа (рис. 4, 1), которое содержит триаду грандиозных изображений: шаманки («беса»), ящерицы (усилителя плодовитости животных) и налима. Последний представляет, по-видимому, лишь водный мир, но выполненное здесь кольцо петроглифов включает также довольно крупные фигуры животных других экологических ниш. Панно сопоставимо с плакеткой пермского стиля из Володина Камня I, на котором показан ящер как конвойер возрождения, воздействующий на лося, водоплавающих птицу и рыбу [25, рис. 3, 7].

ПЕТРОГЛИФЫ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И КУЛЬТ ПЛОДОВИТОСТИ

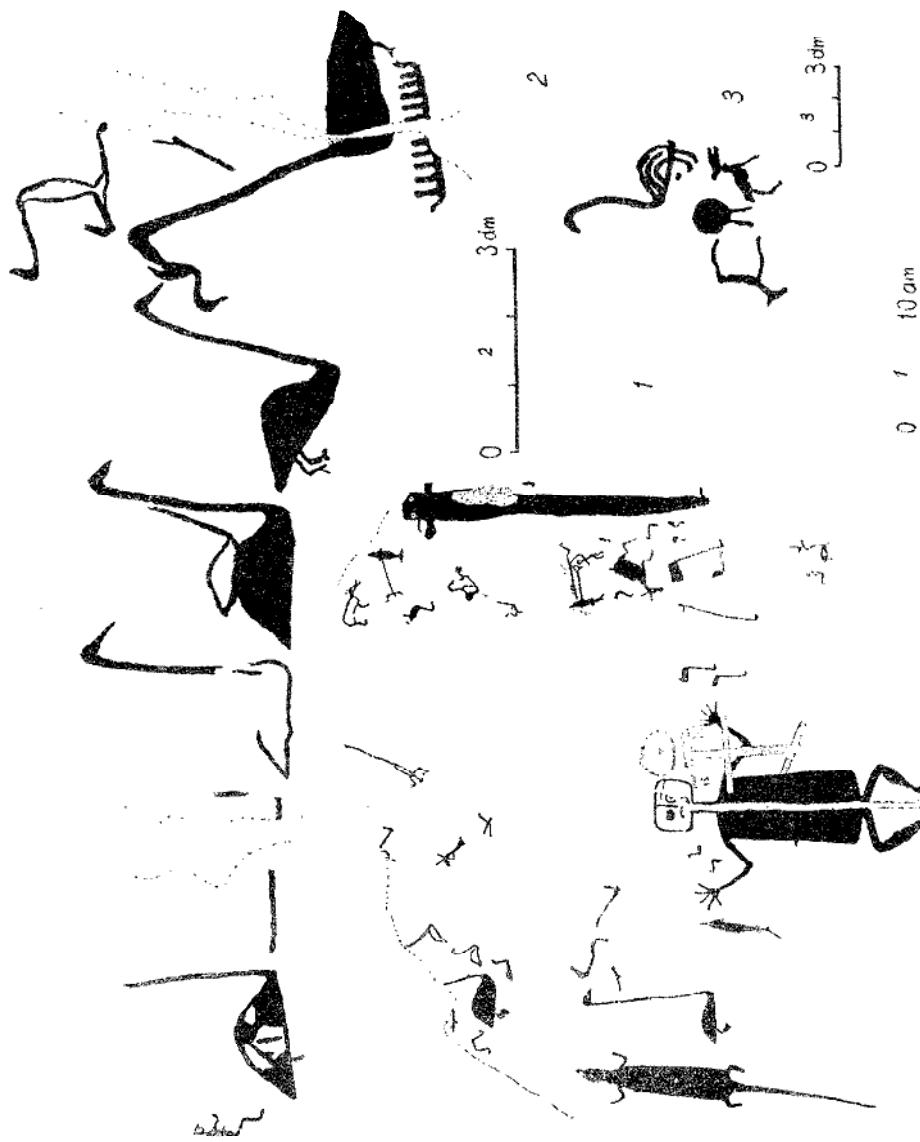

Рис. 4. Онежские петроглифы: магические сцены. 1, 2 — Бесов Нос, западный мыс; 3 — Большой Гурдий. По В.И. Равдоникасу

БУРОВ Г.М.

Культ плодовитости отмечен на протяжении многих тысячелетий. На ранних этапах первобытной истории люди заботились о приумножении объектов охоты, позднее – о плодовитости скота и плодородии почвы. Исходя из положения о большой распространенности этого культа, можно истолковать ряд явлений в первобытной духовной культуре, кажущихся, на первый взгляд, «загадочными». Именно такой подход оказался, как нам представляется, результативным по отношению к знаковой системе срубной общности [26] и молоточковидным булавкам бронзового века [19]. Того же круга и многие другие произведения первобытного искусства, в частности палеолитические и трипольские женские статуэтки, кремневые фигурки и изображения на сосудах [13], стелы, некоторые петроглифы и писаницы. К культу размножения имеют отношение также упомянутые бронзовые плакетки, отражающие почитание лося, ящера и солнца, с эротикой, хотя и скрытой [25].

Природа плодовитости не была полностью понятна первобытному человеку. Поэтому в культе размножения центральным моментом послужили идея участия в нем различных существ: промысловых животных разных экологических ниш, колдующих людей (шаманов), небесных светил, имеющих пол, или хищных птиц, символизирующих небо, змеи как носителя мужского начала, ящерицы или ящера в роли существа, усиливающего плодовитость. При совершении обрядов широко использовались различные фетиши.

Таким образом, Онежское святилище было предназначено главным образом для того, чтобы магическим путем «стимулировать» размножение промысловых зверей и птиц. Как и вообще на петроглифах и наскальных росписях, на озере единичны изображения рыб: рыболовство здесь стабильно давало продукцию, не нуждаясь в магическом обслуживании [27, с. 72]. Петроглифы выглядят главным образом как рисунки с натуры, а в других случаях композиции носят, по-видимому, символический характер. Очевидно, наскальные изображения дублировали реальные культовые церемонии или считались их заменителями.

Список литературы

1. Чернцов В.Н. Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1964. – 52с.; 1971. – 120 с.
2. Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 213 с.
3. Burkitt M.C. Prehistory. – Cambridge: Univ.Press., 1925. – 438 р.
4. Линевский А.М. Петроглифы Карелии. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. – 194 с.
5. Равдоникас В.И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Советская археология. – 1937. – №4. – С.11 - 32.
6. Лаушкин К.Д. Онежское святилище // Скандинавский сб. – 1959. – Вып. 4. С.83 - 111; 1962. – Вып.5 – С.177 - 298.
7. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969. – 256 с.
8. Савватеск Ю.А. Онежские петроглифы и тема зверя в них // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С.136 - 158.
9. Равдоникас Ф.В. Лунарные знаки в наскальных изображениях Онежского озера // У истоков искусства. – Новосибирск: Наука, 1978. – С.116 - 132.
10. Столляр А.Д. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983. – С.145 - 158.

ПЕТРОГЛИФЫ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И КУЛЬТ ПЛОДОВИТОСТИ

11. Столляр А.Д. «Лодки мертвых» // Международная конференция к 100-летию В.И. В.И.Равдоникаса. – СПб: Гос. Эрмитаж, 1994. – С.30 - 33.
12. Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. – 37 с.
13. Буров Г.М. Искусство Крайнего Северо-Востока Европы в эпоху неолита – раннего металла // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С.14 - 28.
14. Эринитс Э. О семантике онежских петроглифов // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С.26 - 29.
15. Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. – М.: Тип. Лисснера и Собко, 1910. – 544 с.
16. Алексеенко Е.А. Кеты. – Ленинград: Наука. – 262 с.
17. Василевич Г.М. Эвенки. – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
18. Погожева А.П. Антропоморфная пластика триполья. Новосибирск: Наука, 1983. – 145 с.
19. Буров Г.М. О функциях молоточковидных булавок // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – 2001. – Вип.9. – С.21 - 37.
20. Крылова Л.П. Керносовский идол /стела // Энеолит и бронзовый век Украины. К.: Науковая думка, – 1976. – С.36 - 46.
21. Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 216 с.
22. Алексеев В.П. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. – М.: Наука, 1988. – С.294 - 344.
23. Савватеев Ю.А. Каменная летопись Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1990. – 120 с.
24. Эринитс Э. Тема космической охоты в онежских петроглифах // Международная конференция к 100-летию В.И. Равдоникаса. СПб: Гос. Эрмитаж, 1994. – С.86.
25. Буров Г.М. О назначении бронзовых культовых плакеток пермского стиля // Культура народов Причерноморья. – 1998. – Вып.4. – С.636 - 643
26. Буров Г.М. Система знаков на керамике срубной историко-культурной общности: опыт интерпретации // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – 1997. – Вып.6. – С.48 - 64.
27. Боголюбский Б.Б., Георгиевский М.Г. Онего. – Л.: Гидрометиздат, 1969. – 120 с.

Поступило в редакцию 07.12.2004